

Глава 10

Цянь Яо пробыл в этом мире не так уж долго и большую часть времени проводил на службе, поэтому плохо ориентировался в дворцовой географии. Однако Павильон, где слушают бамбук, был ему знаком.

И дело не в том, что он когда-либо заходил внутрь, — просто это место пользовалось дурной славой. Оно было известно как средоточие несчастий.

Когда-то обитель считалась весьма изысканной: весь двор был засажен пятнистым бамбуком, а окна здания затянуты тончайшей бумагой. В сумерках или при свете луны тени ветвей ложились на рамы причудливыми узорами, превращая строение в ожившую картину, написанную тушью. Раньше здесь жили высокопоставленные наложницы, но судьба каждой из них заканчивалась трагически.

Первой обитательницей стала наложница Чэнь, фаворитка императора Ши-цзуна. Красавица, хрупкая, точно ивовая ветвь, она из-за вечных недугов казалась почти прозрачной, а в ее взгляде навсегда поселилась печаль. Государь обожал ее кроткий нрав, но слабое тело не выдержало испытания: женщина умерла во время тяжелых родов вместе с младенцем.

Второй хозяйкой стала наложница Жун, мать нынешнего монарха. При жизни она тоже не была обделена милостью государя, но ее постигла та же участь — смерть от тяжелых родов.

В день появления на свет нынешнего императора небеса явили грозное знамение: закат окрасился в багровый цвет, словно небо было забрызгано кровью. К тому же мальчик родился с глазами разного цвета, что совсем не приносило радости Его Величеству.

Две любимые наложницы жили здесь, и обе нашли тут свою погибель. С тех пор Павильон, где слушают бамбук, стали считать проклятым. Взойдя на престол, Ци Ань и вовсе велел опечатать его, и с тех пор там не бывало ни души.

Юноша узнал об этом месте случайно. Проходя мимо, он почувствовал, как температура вокруг резко упала, а тело словно окунули в ледяную воду. Ему это показалось странным: солнце стояло в зените, павильон выглядел точно так же, как и соседние постройки, но от него веяло могильным холодом.

Он уже собирался подойти поближе, чтобы удовлетворить любопытство, как его окликнул незнакомый евнух:

— Стой! Жить надоело?

Собеседник выглядел новичком, судя по одежде — самого низшего ранга, поэтому он и заговорил с Цянь Яо так запросто. Тот не только предостерег его, но и поведал мрачную

историю, наказав держаться подальше: мол, там слишком много «иньской» энергии, и если подойти близко, можно навлечь на себя беду.

Цянь Яо отродясь не верил в подобную чепуху, но после собственного перемещения в чужое тело стал куда осмотрительнее. С тех пор он обходил злополучное место за версту. Он никак не ожидал, что Лу Яньчжоу выберет для встречи именно его.

Впрочем, если подумать, во дворе повсюду были люди и глаза, а Павильон оставался единственным местом, которое все старались избегать. Но всё же...

Час Хай — это девять вечера.

В современном мире в это время жизнь только начинает кипеть: улицы залиты огнями, кругом шум и веселье. Но здесь, в древности, этот срок считался глубокой ночью. Дворец запирали, воцарялась кромешная тьма. Идти в такую пору к проклятому строению было, признаться, жутковато.

Однако юноша понимал: лучшего времени и места не найти. Сегодня он был свободен от службы. Обычно «собачий император» отходил ко сну до девяти, а путь от покоев государя до двора евнухов как раз пролегал мимо злополучного павильона. Время отдыха монарха всегда разнилось, так что небольшая задержка в пути не должна была вызвать подозрений.

Если он всё рассчитает верно, никто ничего не заметит.

Собрав в кулак остатки храбрости, Цянь Яо после того, как Его Величество улегся, отправился к условленному месту.

Эта часть дворца и днем была безлюдной, а ночью здесь воцарилась гробовая тишина. Длинная аллея была погружена во мрак, не слышалось ни единого звука, кроме его собственного бешено колотящегося сердца. Будучи по натуре трусоватым, парень почти бегом припустил к боковой двери.

Главные ворота были заперты, оставался лишь этот лаз, которым пользовались слуги для редкой уборки. Из-за дурной славы и императорского запрета сюда никто не заглядывал, что и позволило беглецу беспрепятственно проскользнуть внутрь.

Он толкнул дверь. Видимо, петли давно проржавели — раздался резкий, надсадный скрип. Юноша испуганно обернулся, боясь, что этот звук привлечет ненужное внимание.

Но вокруг было тихо.

Опасаясь шуметь дальше, он приоткрыл створку ровно настолько, чтобы протиснуться, и юркнул в тени двора. Ночью павильон выглядел еще более зловещим. Здание было окружено

густыми зарослями бамбука, во дворе не было ни единого источника света. Тени качались на ветру, и казалось, будто среди стеблей бесшумно бродят призраки.

Цянь Яо замер, не решаясь сделать и шага вглубь. В записке не было указано точное место. Логика подсказывала, что бамбуковая роща — самое безопасное укрытие, но храбрости юноши не хватало даже на то, чтобы приблизиться к ней. Он застыл на месте, охваченный нерешительностью.

К счастью, ждать пришлось недолго. Из тени бамбуковых зарослей медленно вышла фигура. Во тьме было трудно разглядеть лицо, виден был лишь высокий и стройный силуэт, такой же прямой, как стебли за его спиной.

По логике вещей, Цянь Яо должен был проявить хоть какую-то теплоту к человеку, в которого был влюблен прежний владелец тела. Но он не был им, не был геем и уж точно не мог заставить себя броситься в объятия незнакомца. Поэтому он просто стоял, не зная, что предпринять. К его удивлению, гвардеец повел себя так же. Он не стал подбегать, а остановился в нескольких шагах, пристально всматриваясь в собеседника.

Когда он подошел ближе, при бледном свете луны Цянь Яо наконец смог разглядеть его лицо. Перед ним был вовсе не легкомысленный юноша. В чертах Лу Яньчжоу не было и следа праздности — напротив, он выглядел степенным и суровым. Ему было всего восемнадцать, но в облике не осталось и тени юношеской наивности. Гвардеец совсем не походил на того человека, который мог бы всю ночь ловить светлячков, как описывал Сяо Суйцзы.

Лишь когда их взгляды встретились, Цянь Яо почувствовал в нем искру жизни.

— А... Яо, — позвал он.

Имя прозвучало глухо, словно он слишком долго не решался произнести его вслух. Эти два коротких слога, казалось, лишили его последних сил. Прямая спина вдруг поникла, походка стала неровной.

— А-Яо, — повторил Лу Яньчжоу, подойдя вплотную.

Он протянул руку и осторожно коснулся щеки юноши. Пальцы его дрожали, хотя касание было почти невесомым. В этот миг Цянь Яо без слов понял, насколько глубоки были чувства этого человека. Будь он настоящим хозяином тела, он наверняка бы прижался к нему, изливая всю горечь разлуки.

Но он был лишь случайным гостем. Он не смел поднять глаз, боясь встретиться с взглядом гвардейца — эта чужая, безмерная любовь была ему не по силам.

— Ты не помнишь меня, верно? — Лу Яньчжоу, видимо, уже знал о его «беспамятстве», и

реакция друга не стала для него сюрпризом.

Цянь Яо стало так неловко, что он не нашел слов. Он лишь ниже опустил голову и едва заметно кивнул. Тот готовил себя к худшему, понимая, что жизнь во дворе — не сахар. Но когда он воочию увидел, во что превратился некогда пылкий юноша, сердце его пронзила острая боль.

— Это я... я не смог тебя защитить.

Цянь Яо порывисто покачал головой. За время службы он сполна осознал, насколько безжалостна и абсолютна императорская власть. В этом мире есть лишь один истинный господин. Все остальные — лишь игрушки, которые монарх может раздавить в любой миг. Собеседник же сделал всё, что было в его силах: уберег его от смерти, помог Сяо Суйцзы попасть во дворец и за два года выслужился до гвардейца.

— Не вини себя. Ты и так сделал для меня слишком много. Я благодарен тебе.

— Не смей меня благодарить! — резко оборвал его Лу Яньчжоу. Он помедлил, а затем решительно взял юношу за руку. Убедившись, что тот не отстраняется, он крепко сжал его ладонь. — Ничего. Когда я заберу тебя отсюда, мы начнем всё заново.

Цянь Яо поначалу смутился от того, что его так держит мужчина, но решил не сопротивляться. Однако следующие слова заставили его забыть о неловкости.

— Заберешь?

— Да, — гвардеец слабо улыбнулся, и в этой улыбке проглянул тот самый юноша, о котором рассказывали легенды. Взгляд его был непоколебим. — А-Яо, я вытащу тебя из этого места.

Этой ночью Цянь Яо не сомкнул глаз. Он жил в комнате не один, поэтому не мог долго задерживаться в павильоне — это неминуемо вызвало бы подозрения. Их свидание было коротким. Они не успели предаться воспоминаниям: Лу Яньчжоу сразу выложил свой план.

Он собирался устроить побег.

Юноша решил, что тот окончательно лишился рассудка. Будь он всё еще простым слугой в императорской чайной, в это еще можно было бы поверить. Но теперь он служил при самом государе. Как можно просто так исчезнуть? К тому же он был «фальшивым» евнухом, сыном государственного преступника. Каждый его день был борьбой за выживание на тонком льду. Цянь Яо сразу отверг это безумное предложение.

Гвардеец видел его страх и поспешил успокоить:

— Не бойся. Я понимаю, насколько это рискованно, и не стану действовать опрометчиво.

— Давай не будем об этом, — Цянь Яо пытался образумить его.

— Неужели ты хочешь до конца своих дней оставаться здесь евнухом? — бросил Лу Яньчжоу.

Цянь Яо осекся.

— Евнухи не чета дворцовым девам. Те могут выйти за ворота, когда придет срок. Но если ты попал сюда в мужском платье — это на всю жизнь. А-Яо, я не могу допустить, чтобы ты сгнил здесь.

Он и сам это понимал, но...

— Ты ведь с самого начала это задумал? — Внезапно до юноши дошло, почему старый друг приложил столько усилий, чтобы сделать его именно «фальшивым» евнухом.

— Да, — не стал отпираться Лу Яньчжоу. — Разве я мог позволить, чтобы ты до конца дней своих прислуживал другим?

— Но... — Цянь Яо всё еще терзали сомнения.

Гвардеец перебил его:

— Я смог сделать тебя фальшивым евнухом. Смог прислать к тебе Сяо Суйцзы. Неужели ты не можешь поверить мне еще раз?

— Дело не в вере. Просто... — юноша слишком хорошо изучил нрав своего господина. Он не сомневался: если их поймают, император найдет самый изощренный способ лишить их жизни.

Но собеседник уже не желал ничего слушать. Словно не в силах больше сдерживаться, он притянул Цянь Яо к себе и крепко обнял. Хватка его была такой яростной, что у парня перехватило дыхание. Он уже собрался оттолкнуть его, как вдруг услышал прерывистый шепот у самого уха:

— Умоляю.

С того дня на сердце Цянь Яо лег еще один тяжкий груз. Ему казалось, что статус фальшивого евнуха и сына опального министра — это предел испытаний, но появление Лу Яньчжоу и его безумные планы окончательно подорвали душевное спокойствие.

Будь у него выбор, юноша, конечно, не хотел бы вековать во дворце. Но затея гвардейца была чистым самоубийством. Следовало сразу ответить твердым «нет», ведь в случае неудачи под удар попал бы весь род Лу. Но мольба в голосе друга лишила его решимости.

Цянь Яо не был прежним владельцем тела, но даже он чувствовал ту бездонную преданность, которую молодой человек питал к своей любви. В итоге он так и не смог произнести суровый отказ, скрыв сомнения за молчанием. К счастью, время поджимало, и Лу Яньчжоу не стал требовать немедленного ответа. Он позволил ему уйти.

Парень ушел в спешке, лишь позже осознав, что они так ни о чем и не договорились. Гвардеец выглядел человеком, который пойдет до конца, а его слова о «раздумьях» были лишь попыткой успокоить друга.

Цянь Яо чувствовал: согласен он или нет, его всё равно попытаются выкрасть. Но это же безумие! Он понимал: его жизнь для Его Величества — пустой звук. Но сам факт побега станет вызовом власти. И ради спасения лица монарх непременно сотрет их в порошок.

Юноша тяжело вздохнул. Наступило время обеда. Он отправился за едой, и, как и следовало ожидать, в его чашке снова оказались лишь скудное варево из репы и постная трава. Глядя на это, он почувствовал, как его решимость тает.

«Может, и впрямь довериться Лу Яньчжоу и попробовать? Всё лучше, чем всю жизнь жевать это сено»

Но стоит ли жизнь тарелки приличной еды? Бежать или остаться? Впрочем, терзания длились недолго — пришло время ночной смены.

Сегодня император решил оттрапезничать поздно. Когда Цянь Яо заступил на службу, повара только начали подавать вечерние кушанья. Поскольку раскладывать еду в его обязанности не входило, он подал чай для омовения рта и отступил к стене.

Поначалу он еще пытался обдумывать предложение гвардейца, но ароматы, витавшие над столом, были такими соблазнительными, что мысли его быстро свернули не туда. Пусть он и поужинал, но капустная жижа не принесла сытости. Теперь же, глядя на изысканные блюда, он чувствовал, как в животе начинает урчать.

«Завидую...»

Он знал, что пялиться на еду государя нельзя, но не мог отвести взгляд. По сравнению с его

баландой, императорские яства казались произведениями искусства. Из-за волнений аппетит у него в последние дни пропал, но сегодня он вдруг ощутил сосущую пустоту в желудке.

«Хочу... Как же хочется есть»

Такое великолепие — и всего по одному кусочку от каждого блюда. Какая расточительность! Неужели нельзя отдать остатки ему? Цянь Яо с горечью подумал, как быстро меняются люди. Еще недавно он и помыслить не мог, что будет мечтать об объедках с чужого стола.

Должно быть, его взгляд был слишком красноречивым. Император внезапно поднял голову и посмотрел прямо на него. Юноша мгновенно осознал, что нарушил приличия, и поспешно опустил голову. Он надеялся, что его дерзость осталась незамеченной.

Но в следующий миг раздался вкрадчивый, с долей насмешки голос:

— Хочешь?

Имя не было названо, но юноша нутром чуял — вопрос обращен к нему. Он осторожно поднял глаза. Император действительно смотрел на него.

Цянь Яо опешил. Сначала хотел покачать головой, но вспомнил, что ложь императору карается как обман величия. Помедлив, он едва заметно кивнул. Он понимал, что ведет себя неподобающе, и ждал наказания. Но его не последовало. Напротив, молодой монарх отложил палочки и манящим жестом подозвал его.

Парень послушно подошел ближе. Император взял с блюда изысканное лакомство и протянул ему. Первой мыслью Цянь Яо было: «Яд!»

Но разум тут же подсказал — еду государя проверяют десятки людей. Никто бы не посмел. Но зачем тогда отдавать ее слуге? Бедняга замер, нелепо держа подношение в руках.

— Почему не ешь? — раздался голос государя.

— Раб... смеет ли раб съесть это? — пролепетал он.

— Ешь.

Не понимая причин такой щедрости, но не смея перечить, Цянь Яо отправил сладость в рот. В тот же миг всё остальное перестало существовать. О, это было божественно! Он даже не хотел глотать, желая продлить это мгновение.

Императору, казалось, пришлось по вкусу такая реакция. Он велел слугам положить еще несколько яств на маленькую тарелку и передать ее Цянь Яо. Тот не верил своему счастью. Образ тирана в его глазах мгновенно преобразился. В эту минуту государь был для него лучшим человеком на свете!

Благодаря этой трапезе ночная смена стала для него самой счастливой. Даже проработав до рассвета, он вернулся к себе полным сил. Он и не подозревал, что хорошая еда может быть так важна. Однако у этого события оказался и побочный эффект: на следующий день он просто не смог заставить себя прикоснуться к тюремному вареву. Раньше он ел его, зажмурившись, но теперь оно казалось ему безвкусным сеном. Воистину, к хорошему привыкаешь быстро.

Не в силах больше жевать баланду, Цянь Яо снова начал мечтать об императорской кухне. Раз его угостили один раз, может, угостят и второй? Но судьба была капризна — несколько дней ему не выпадало дежурить во время трапезы.

И вот, наконец, снова пришла ночная смена. Едва он заступил на пост, как Его Величество велел подавать ужин в спальню. Глаза юноши вспыхнули, но он постарался скрыть восторг. Лишь изредка он поднимал взгляд, с надеждой глядя на монарха.

Но сегодня всё было иначе. Молодой государь даже не смотрел в его сторону. Он молча принимал блюда, неспешно пробуя одно за другим. Цянь Яо стало нестерпимо грустно. Милость монарха — вещь преходящая. С чего он взял, что это повторится?

Внезапно юноша ужаснулся своим мыслям. Неужели за столь короткий срок он так низко пал? Стал считать объедки со стола деспота благом? Его охватило уныние, смешанное со страхом.

Может, Лу Яньчжоу прав? Нужно бежать. Если он останется здесь, то потеряет себя. Проведет годы, питаясь отбросами и дрожа перед капризным деспотом. Станет частью этой системы и забудет, кем был на самом деле.

«Я действительно этого хочу?»

Но прежде чем он успел найти ответ, раздался короткий приказ:

— Подойди.

Цянь Яо вздрогнул. Император отложил палочки и пристально смотрел на него. Осознав, что снова витает в облаках, парень поспешно приблизился.

— Ваше Величество, — склонился он.

В тот же миг государь взял кусочек сладости и протянул его юноше. Тот уже потянулся было, чтобы принять угощение, но Его Величество внезапно отвел руку. Парень замер в недоумении.

Он почувствовал, как мужчина почти издевательски усмехнулся. В следующее мгновение рука императора коснулась его губ, прижимая к ним лакомство.

— Ешь так.

<http://bllate.org/book/15347/1415922>